

На обратном пути снег валил всё гуще. Тропа, ведущая к подножию горы Мэмэн, становилась всё более извилистой и скользкой. Толстый слой свежего снега скрыл собой рытвины, каменные уступы и промоины - с виду ровное белое поле, а стоило наступить не туда, как нога проваливалась в пустоту.

После нескольких опасных моментов, когда дети едва не срывались в укрытые снегом канавы, им всё-таки пришлось смиренно позволить Жун Фэну зажать их под мышками. Он никогда прежде не держал на руках детей, тем более таких маленьких - Гуаньбао, которому и так было всего три года, из-за недоедания выглядел ещё меньше. Для Жун Фэна он был словно крошечный узелочек. Мужчина нёс их осторожно, будто боялся нечаянно сдавить.

Но всё равно детишкам было неудобно, это видно невооружённым глазом. Тогда Бянь Хун наконец вмешался и сказал Жун Фэну поменять способ: взять обоих детей на спину. Плечи у Жун Фэна были такие широкие, что двум мальчишкам хватило места: каждый лёг животом на свою сторону. Это было совсем не похоже на знакомые им объятия их брата Си, но всё же намного устойчивее, крепче и теплее. Они чувствовали, как под ладонями и щеками перекачиваются сильные мышцы его спины, как пружинит шаг, и эта надёжность будто возвращала им дыхание среди вьюги.

Тёмно-каштановые волосы Жун Фэна спутанными прядями спадали ему на спину - жёсткие, длинные. Гуаньбао даже осторожно протянул ручку и тихонько ущипнул одну прядь. В его голове тут же всплыли сказки, которые брат Си рассказывал по дороге: про степных львов. Теперь этот образ словно ожил перед ним, и мальчик подумал, что этот человек, наверное, и есть большой лев, обернувшийся человеком. Только вот... ест ли он людей?

Пока они шли, дети всё равно то и дело оглядывались назад, вдруг их брат Си опять исчезнет. А Бянь Хун после ночных поисков был полностью вымотан. Стоило страху отпустить тело хотя бы немного, и первым его предал именно организм. Жун Фэн больше не стал считаться с упрямством маленького ланцзюня: бросил конец верёвки, велел Бянь Хуну обвязать её вокруг узкой талии, и без единого прикосновения, просто полутаща, полуведя, довёл его по снегу обратно к дому.

В маленьком дворике, в котором ночью царил суетный хаос, остались следы множества ног, следы факелов, сбитая снеговая крошка. Теперь всё было занесено толстым, чистым слоем свежего снега. Внутри и снаружи - белизна, ровная и тихая, будто вчерашнего смятения и вовсе не было. И только у ворот, прислонившись к косяку, стояла старая слепая женщина в тёплой ватной куртке. Она неподвижно ждала в снегу - терпеливо, с надеждой, как ждут родных, чьи шаги должны вот-вот прозвучать за поворотом.

Жун Фэн поспешил вперёд:

— Мам, снег такой сильный, зачем ты стоишь у двери? Пойдём в дом.

— Сяо Фэн, ты вернулся? А где невестка? В такую метель... ничего ведь не случилось?

Бянь Хун подошёл ближе. Голос у него всё ещё был сорванный:

— Ничего... Я просто сходил забрать своих братьев.

Услышав это, старая мать сразу уловила чужой надлом в его голосе, но расспрашивать не стала. Лишь протянула руку, нашарила его пальцы - холодные, с налипшим снегом, который даже не таял от тепла кожи. Она долго согревала их в своих ладонях.

— Ай, дитя, братьев привёл? Где же они? Надо было Сяо Фэна послать, а ты... Ты ж такой хилый, молодым-то на холоде оставаться нельзя, болезнь наживёшь.

На плечах Жун Фэна Юаньдин и Гуаньбао жались друг к другу от испуга: за годы бегства и выживания они крепко запомнили - от незнакомцев лучше держаться подальше, кем бы те ни были, мужчинами, женщинами или стариками.

Несколько реплик так и повисли в воздухе, Жун Фэн уже широкими шагами загнал всех обратно в дом. Он прошёлся своей большой ладонью по каждому, стряхивая снег. У старухи и двух детей снега было немного, а Бянь Хун был почти как снеговик, весь побелевший и насквозь промёрзший.

В такой ситуации нельзя сразу ложиться на тёплую лежанку, так легко получить обморожение. Жун Фэн поставил детей на пол, снова вышел и принёс целый таз снега. Вернувшись, коротко велел:

— Идите внутрь. Раздевайтесь и разотрите тело снегом.

Бянь Хун кивнул, понимая заботу. Он забрал Юаньдина и Гуанбао, повёл их в комнату "смывать снег". В главной комнате остались только мать и сын. Жун Фэн от природы немногословен, и старуха давно к этому привыкла. Рассказал кратко, что случилось, и она больше не расспрашивала. Лишь вздохнула и похлопала сына по руке:

— Хорошо обращайся со своим фуланом. Ему нелегко живётся.

Жун Фэн не знал, что ответить, и просто повернулся к кухне, чтобы при готовить еду. Но, подняв крышку котла, увидел, что всё уже готово: пока мать ждала их возвращения, она на ощупь разыскала печь, сварила большую кастрюлю каши, на пару приготовила семь-восемь кукурузных лепёшек и даже нарезала тарелку солёной редьки.

Однако когда Бянь Хун вывел умытых снегом детей к ужину, и они увидели на столе густую кашу из проса, их первой реакцией было вовсе не протянуть руку к чашке. Напротив, они, словно по отражённому инстинкту, обеими ручонками вцепились в Бянь Хуна и разрыдались, не желая отпускать его даже на миг, тем более садиться есть.

Никто другой не понимал причины, но Бянь Хун понимал слишком хорошо: его исчезновение напугало детей до полусмерти. Сердце у него болезненно кольнуло словно иглой. Горько и остро. Он не стал накладывать детям густую кашу; только зачерпнул немного просового отвара, разломал пару лепёшек и, макая их в солёную редьку, стал кормить малышей понемногу, по кусочку.

После еды они немного посидели, поговорили. Мать Жун была по-прежнему ласковой и мягкой, и в её теле жила одна знакомая детям нота - запах болезни и трав. Этот запах они помнили лучше всего: он был частью их дома, был запахом их отца, который всегда лечился, всегда кашлял, всегда пах горькими настоями. До тех пор, пока в деревню не пришла мор, тогда и отец заболел, и привычный запах лекарств всё чаще смешивался с тяжёлым, тянущимся запахом разложения...

Поэтому они послушно поклонились матери Жун, и, глядя на её возраст и седые волосы, сразу назвали её «бабушкой». Это, конечно, путало всю лестницу поколений, Бянь Хун сказал, что правильно было бы звать её «тётушка», но мать Жун тут же замахала руками: «Не надо менять, не надо», да ещё выглядела такой бодрой и довольной, что вскоре вытащила из самого дна сундука красный платочек, а из него - припрятанные серебряные монеты. И весело, с улыбкой до ушей, вручила детям «подарок за смену обращения».

Бянь Хун попробовал отказаться, но, оглянувшись и увидев, как Жун Фэн молча сгребает остатки еды в свою чашку и доедает всё до последней крошки, заметил едва заметный кивок. Пришлось принять. Он подумал: ладно, возьму. А когда уйду отсюда - верну. Всё равно я не их настоящая невестка, просто числюсь. Не стоит брать их деньги, им и так хватает хлопот. Они уже сделали для меня слишком много - дали приют, позволили переждать зиму, да ещё и детей принять.

Когда в доме стало на двух малышей больше, эти два отрезанных от мира двора среди гор и снегов вдруг ожили, будто наполнились дыханием. Очнувшись от пережитого, Юаньдин и Гуаньбао словно за все дни разлуки накопили целый мешок слов. Хотели рассказать всё, буквально всё, своему брату Си. За окном крупно валил снег, ветер гудел в ущельях, а внутри трещал жаркий очаг, красноватый свет пламени играл на возбуждённых детских лицах.

Однако на некоторые детские вопросы Бянь Хун просто не знал, как отвечать. Например:

«Брат Си, ты правда вышел замуж за этого большого льва?»

«Брат Си, дядя сказал, что когда женятся, ночью снимают всю одежду и спят под одним одеялом. А я могу спать между тобой и большим львом?»

«Брат Си, почему у него один глаз голубой? Он ест людей?»

И наконец, Юаньдин, прижавшись к нему, поднял лицо и спросил:

- Брат Си, мы теперь будем жить здесь? Не пойдём дальше?

Бянь Хун промолчал. Любой человек мечтает иметь хоть одну черепицу над головой при жизни и хоть немного земли под собой после смерти. Но здесь ни одна черепица не принадлежит ему. Как бы далеко он ни шёл, как бы ни рвал ноги о ледяные тропы, в мире нет места, где пустили бы корни, имя которых Бянь Хун.

Но, глядя в сияющие глаза ребёнка, он всё же сказал:

- Вам нужно только хорошо есть, хорошо спать и хорошо расти. Пока есть брат Си, всё будет.

Вскоре Жун Фэн был изгнан матерью обратно в свою комнату - она твёрдо считала, что раз у человека теперь есть супруг, то и спать он должен с супругом, а не всё время торчать в материнской комнате.

Когда Жун Фэн вошёл, он увидел, что маленький ланцзюнь уже переоделся в подогнанный под его мерку старый ватник, который переделала мать Жун. Одежда сидела так аккуратно, что даже подчёркивала тонкую талию. Бянь Хун обнимал двух детей и, как всегда, свернувшись, сидел в своём привычном углу у стены - в том же самом месте, где и раньше.

Жун Фэн повернулся, плотнее прикрыл дверь, чтобы в комнату не проникал ветер и снег, затем подошёл к очагу и подкинул несколько поленьев. Погода стремительно холодала, и уже нельзя было, как раньше, просто спать без одеяла на краю кана. Но одеял было мало, в такие годы ни у кого не бывает лишних, и уже само по себе счастье, если зимой человек не мёрзнет насмерть.

Одно одеяло. Бянь Хун накрыл им только детей, укрыв их в середине, а сам оставил снаружи большой край - тот, что был ближе к месту мужчины. А когда Жун Фэн вошёл в комнату, он молча приподнял край ватного одеяла рядом с детьми - намерение было более чем очевидно.

Так двое детей, как и мечтали, легли спать между Бянь Хуном и Жун Фэном.

Четверо человек молча лежали на тёплом кане, но на самом деле никто из них не спал, только причины у каждого были свои. Бянь Хун не мог уснуть из-за бурных переживаний: потерянное и вновь обретенное, страх и облегчение - всё смешалось. А главное, из-за того, что одеяло одно, расстояние между ним и остальными резко сократилось. Это слишком нарушало его внутреннюю «зону безопасности», вызывало напряжение, которое он не мог контролировать.

Жун Фэн же впервые в жизни оказался в одной постели с таким количеством людей. Сразу трое. Он никогда не представлял себе подобного. Ему всегда казалось, что он так и будет спать в одиночестве до конца своих дней... и вот всего за несколько дней всё вокруг переменялось до неузнаваемости.

А двое детей, хотя уже едва держались от усталости - тело измотано, желудок полон, сердце спокойно после страха, то есть самое время провалиться в сон, всё равно не позволяли себе закрыть глаза. Стоило векам опуститься, как они тут же вздрагивали, вскидывали головы и снова, в полудрёме, упрямо смотрели на своего брата Си.

Бянь Хун, глядя на двух совсем крошечных мальчишек, у которых от усталости уже появились «двойные веки», но которые всё равно упрямо боролись со сном, не смог сдержать ни вздоха, ни лёгкой улыбки. Он протянул руки и мягко прикрыл ладонями их глаза.

— Спите. Я никуда не уйду. Завтра проснётесь, и всё так же будете в моих объятиях.

Юаньдин больше не пытался сопротивляться. Он, обняв брата, ещё ближе прижался к Бянь Хуну. Две маленькие ручонки цепко ухватились за ткань его одежды. И под тихий напев колыбельной, которую Бянь Хун начал петь охрипшим от ночных криков голосом, дети постепенно погрузились в сон.

— Ясный месяц, ветра вздох,

Листья стынют у окна...

Слышишь, сверчок поёт в траве -

Будто струнка рвётся одна...

За окном снег мел в ночи, свет звёзд и луны был скрыт плотными тучами. В домике же лишь огонь в печи время от времени вспыхивал тёплым оранжевым отблеском, озаряя четыре тихо дышащие фигуры на кане.

Жун Фэн лежал спиной к маленькому певцу. Его огромная фигура чуть заметно расслабилась под этот тихий, намеренно приглушённый голос. Где-то между одним и другим вздохом он тоже незаметно для себя заснул - впервые за долгое время спокойно.

А в соседней комнате мать Жун чуть приоткрыла дверь. Она высунула руку в морозный воздух, ловя в ладонь первые снежинки. Те таяли на мгновение, скользя холодной водой по старым морщинистым линиям её руки. Слепые глаза, повернувшиеся в сторону гор и лесов, будто видели дальше тьмы, а на лице при этом играла улыбка, и губы тихо шептали:

— Снег к урожайному году...